

Волкова Татьяна Федоровна

**ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО
УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ КРЕСТЬЯН В КОНТЕКСТЕ
ПЕЧОРСКОЙ РУКОПИСНО-КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ
(XVIII–XX вв.)**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург

2012

Работа выполнена на кафедре русской и общей филологии ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор

Наталья Сергеевна Демкова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент

Елена Ивановна Дергачева-Скоп

доктор филологических наук

Александр Григорьевич Бобров

доктор филологических наук, профессор

Лариса Степановна Соболева

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»**

Защита состоится «29» февраля 2012 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Автореферат разослан «_____» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

Общая характеристика работы

Одним из самых ярких и литературно значимых книжных центров старообрядчества по праву считается район Нижней Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми, охватывающий деревни по берегам Печоры и ее притоков – Пижмы, Цильмы, Нерицы). Старообрядческое население этих сел в течение XVIII–XIX вв. создало свою школу кириллического письма, сформировало разнообразный по жанрам фонд средневековых и старообрядческих литературных и публицистических сочинений в рамках семейных крестьянских рукописных собраний. Книги из этих семейных «библиотек» передавались из поколения в поколение, мигрировали по всему району и оседали у наиболее активных читателей и ценителей старинной книги. В составе печорских крестьянских «библиотек» старинные рукописные сборники соседствовали с рукописями XIX – начала XX вв. – продукцией местных писцов. Некоторые из них стали не просто переписчиками средневековых произведений, но и их редакторами, а порой и соавторами древнерусских писателей. Остатки некогда живой, подвижной народной «библиотеки» сохранились у современных печорских крестьян и благодаря работе археографов составили несколько собраний в государственных хранилищах Санкт-Петербурга (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотека Российской академии наук, Научная библиотека Санкт-Петербургского университета) и Сыктывкара (Научная библиотека Сыктывкарского университета, Национальный музей Республики Коми).

Эта особенность печорской рукописно-книжной традиции – соединение в ней старинных рукописных сборников XVI–XVIII вв. и многочисленных рукописей, созданных в XIX–XX вв. местными писцами из числа усть-цилемских крестьян – ставит перед современным исследователем три важные проблемы. Во-первых, это проблема особенностей книжно-литературной продукции в конкретном географическом пространстве как часть общей проблемы «центр – провинция». Во-вторых, это проблема восприятия средневековой русской литературы демократическим читателем Нового времени и ее функционирования в среде крестьян-старообрядцев Усть-Цилемского края XIX–XX вв. В-третьих, это проблема традиции русской средневековой литературы в рукописном творчестве крестьян-старообрядцев и трансформации средневековых литературных форм и идей под пером местных книжников.

Актуальность диссертационного исследования определена тем обстоятельством, что обозначенная проблематика включена в контекст современного научного изучения старообрядческих книжных центров как центров духовной культуры Русского Севера и Сибири. Начало подобным исследованиям было положено в середине XX в. археографическими, источниковедческими, филологическими и историческими исследованиями В. И. Малышева и Н. Н. Покровского. К настоящему времени описана и изучена книжная культура и других старообрядческих центров: Верхокамья (И. В. Поздеевой, Е. А. Агеевой, Е. Б. Смилянской и др.), Урала (Е. И. Дергачевой-Скоп, Л. С. Соболевой, сотрудниками археографической лаборатории УрГУ), Нижнего Новгорода (Т. В. Черторицкой, И. Л. Грицевской), Вятки (А. А. Амосовым, А. Г. Мосиным), Карелии (Н. Ю. Бубновым, А. В. Пигиным), Удорского района Республики Коми (А. Н. Власовым, Е. А. Рыжовой, Е. В. Прокуратовой, Т. С. Каневой). Особо в этом ряду следует выделить фундаментальное научное описание Пинежского собрания рукописей ИРЛИ РАН, осуществленное Н. В. и А. А. Савельевыми, а также труд Е. М. Юхименко, посвященный Выголексинскому общежителю.

Цель предлагаемого исследования – осмыслить уникальность печорской книжной традиции в контексте историко-культурных процессов демократической народной культуры на разных этапах ее существования. Исследования К. В. Чистова о

генезисе и функции социально-утопических легенд, Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о типологии культур и их взаимодействии, опирающиеся в свою очередь на концепцию «встречных течений» А. Н. Веселовского и наблюдения В. М. Жирмунского о диалектике взаимоотношений внешних влияний и факторов имманентного литературного развития в культуре локального социума позволяют под новым углом зрения рассмотреть собранные во время многолетней археографической работы на Нижней Печоре материалы, свидетельствующие о функционировании памятников средневековой письменности и их позднейших модификациях в старообрядческой среде, вывести конкретные исследования литературного творчества писателей из демократической крестьянской среды за пределы узко конфессиональных и локально-территориальных границ.

Поставленная цель определила ряд конкретных **задач**:

1. Выявить круг средневековых литературных памятников и сочинений старообрядческих писателей, которые формировали литературные вкусы печорских крестьян-старообрядцев XVIII – XX вв.

2. Охарактеризовать читательскую практику печорских крестьян, их восприятие древнерусской словесной культуры.

3. Выявить принципы и приемы литературно-редакторской работы печорского книжника И. С. Мяндина.

4. Исследовать устные рассказы печорских крестьян, отражение в них народных исторических представлений о старообрядческом движении и характер восприятия ряда литературных сюжетов.

5. Выяснить происхождение рукописей и старопечатных книг, бытовавших на Печоре, и установить места их локализации в составе крестьянских книжных собраний.

6. Исследовать особенности и масштабы работы печорских писцов; определить характер их интереса к произведениям древнерусской литературы.

7. Охарактеризовать вклад печорских семей в сохранение старинной книжности, выявить рукописные и старопечатные книги, находившиеся в составе родовых библиотек.

8. Проследить характер бытования и использования древнерусских литературных памятников на Печоре во второй половине XX в.

Предметом исследования стали, во-первых, памятники древнерусской и старообрядческой литературы и публицистики, сохраненные и переписанные печорскими крестьянами в составе рукописных сборников; во-вторых, читательские приоритеты усть-цилемских старообрядцев, их восприятие средневековой письменности и старообрядческой литературы; в-третьих, источники формирования и характер функционирования родовых крестьянских библиотек; в-четвертых, состояние рукописно-книжной традиции на Нижней Печоре во второй половине XX в. Главным объектом исследования является литературное творчество и редакторская работа самого известного печорского книжника второй половины XIX в. Ивана Степановича Мяндина, оставившего большое и разнообразное в жанровом отношении рукописное наследие.

Материалом исследования послужили рукописные книги и кириллические издания XVI–XIX вв., собранные на Нижней Печоре в ходе археографических экспедиций и в настоящее время хранящиеся в нескольких государственных хранилищах Санкт-Петербурга и Сыктывкара. В качестве дополнительного материала мы использовали владельческие, читательские и писцовые записи и пометы на печорских рукописях и старопечатных книгах, а также материалы научных отчетов о работе в Усть-Цилемском районе Республики Коми археографических экспедиций Пушкинского Дома и Ленинградского университета и полевые дневники экспедиций археографов Сыктывкарского университета.

Степень изученности материала. Научное открытие «книжной» Печоры и ее первоначальное исследование связано с именем выдающегося ленинградского

археографа и филолога-медиевиста В. И. Малышева. Ученый наметил основные направления в изучении печорской рукописной книжности и внес существенный вклад в разработку каждого из них¹. Итогом проведенных исследований явилось формирование из экспедиционных находок Усть-Цилемского собрания ИРЛИ, насчитывающего 417 рукописей, и составление его научного описания, выявление особенностей печорской рукописной традиции, имен печорских писцов и владельцев значительных рукописных собраний XVIII – начала XX вв., исследование и публикация ряда памятников древнерусской литературы по печорским спискам.

Намеченные В. И. Малышевым аспекты изучения печорской книжности в дальнейшем с разной степенью активности были подхвачены исследователями разных научных центров. Археографическое направление было продолжено экспедициями коллег В. И. Малышева по Пушкинскому Дому, преподавателей, сотрудников и студентов Ленинградского, а затем Сыктывкарского университетов. В 1989 г. коллективными усилиями археографов Сыктывкара, Санкт-Петербурга и Москвы было опубликовано описание печорских рукописей НБ СыктГУ; в 1997 г. А. А. Савельевым – научное описание кириллических книг НБ СПбГУ.

Начали исследоваться по печорским спискам и отдельные произведения: памятники ранней старообрядческой литературы и сочинения выговских писателей – Н. С. Демковой, Н. Ю. Бубновым, Н. В. Поньрко, Е. М. Юхименко и др., средневековые литературные памятники разных жанров – О. В. Твороговым, Р. П. Дмитриевой, О. А. Белобровой и др.; сочинения местных авторов (С. А. Носова, А. Ф. Бобрецова) – М. В. Мелиховым. Особенно активно после первой публикации В. И. Малышева² стали изучаться мяндинские переработки древнерусских повестей (исследования Н. С. Демковой, О. В. Творогова, Е. К. Пиотровской, Е. М. Шварц, А. Г. Боброва, Е. К. Ромодановской, А. В. Пигина и др.). Эти исследования показали, что на Нижней Печоре сформировался не просто тесный локальный круг любителей древнерусской книжной старины, а настоящий книжный центр, где древние памятники не только переписываются, но активно читаются и подвергаются литературной обработке.

Как видно из представленного обзора, многие из направлений в изучении печорской книжности и литературы, намеченные В. И. Малышевым, получили дальнейшую научную разработку. Однако изучение печорского книжного центра еще далеко от завершения. Источниковая база исследования со времени публикаций В. И. Малышева существенно расширилась: в Древлехранилище ИРЛИ сформировалось Усть-Цилемское новое собрание, насчитывающее 370 рукописей, в НБ СПбГУ – собрание старопечатных книг, найденных на Печоре (85 единиц хранения), в НБ СыктГУ – два усть-цилемских собрания – рукописей (267 единиц хранения) и старопечатных книг (111 единиц хранения). Таким образом, в настоящее время доступно для изучения свыше 1000 печорских рукописей XVI–XX вв. и около 200 кириллических книг, найденных на Печоре. Все эти источники рассредоточены по нескольким хранилищам Санкт-Петербурга и Сыктывкара и не имеют сводного описания и единого справочного аппарата; описания некоторых из этих коллекций до сих пор не изданы.

Не были выявлены и опубликованы многие записи на печорских книгах, свидетельствующие о владельцах и переписчиках книг, а введенные в научный оборот В. И. Малышевым нуждались в новой сверке и уточнении. Записи на книгах Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ и других собраний рукописных и старопечатных книг печорского бытования практически еще не исследованы.

¹ Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.

² Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 326-327.

Требовал углубленного изучения и жанровый состав печорских сборников. Нуждались в изучении и печорские списки многих памятников древнерусской литературы, еще не привлечшие внимания исследователей.

Особенно много оставалось проблем, связанных с изучением рукописного наследия И. С. Мяндина. Предстояло выявить в составе переписанных Мяндиным рукописей новые сочинения, несущие на себе следы его редакторской работы. К давно исследуемым мяндинским сборникам (ИРЛИ УЦ 66, 67, 70) в настоящее время добавился ставший доступным для изучения «Торжественник», составленный Мяндиным (НБ СыктГУ, УЦ р. 46), в состав которого помимо «слов» и поучений на темы годовых церковных праздников входят и повествовательные тексты – повести, жития, апокрифы, требующие изучения. Кроме того, после публикации исследований ряда мяндинских переработок, основанных на одном их списках, были выявлены новые списки этих произведений, сделанные И. С. Мяндиным. Они нуждаются в специальном исследовании в сопоставлении с уже изученными списками.

Перечисленные проблемы изучения печорской рукописно-книжной традиции и определили обозначенные задачи диссертационного исследования.

По причине разнообразия этих задач и разнородности изучаемого материала **методологическая база исследования** не однородна: в диссертации были использованы источниковедческие, библиографические, археографические, текстологические, палеографические методы, а также методы историко-литературного и теоретико-литературного анализа. Такой комплексный подход к изучению памятников древнерусской письменности и их позднейших модификаций в народной среде активно используется современными исследователями локальных рукописно-книжных традиций и восходит к исследованиям Д. С. Лихачева, В. И. Малышева, А. А. Амосова. В теоретико-литературных исследованиях нарративных текстов мы опирались на работы по сюжетологии Б. В. Томашевского, Ю. М. Лотмана и современные исследования в области нарратологии (В. И. Тюпы, Н. Д. Тамарченко и др.), а также на коллективное исследование элементов беллетристики в древнерусской литературе медиевистов Пушкинского Дома – «Истоки русской беллетристики» (Л., 1970). Для систематизации материалов, связанных с печорской рукописной традицией, нами была разработана структура электронного банка данных, включающего серию информационно-поисковых систем (баз данных). Использование поисковых систем этого банка данных позволило осуществить систематизацию и обобщение выявленных материалов.

Научная новизна исследования состоит прежде всего в том, что впервые осуществлено комплексное историко-литературное изучение книжной и литературной культуры старообрядцев Нижней Печоры, представлена своеобразная и сложная картина развития средневековой русской литературы в народной демократической среде конца XIX – начала XX в. Впервые на столь обширном рукописном материале показана попытка региональных книжников-старообрядцев воссоздать древнерусскую литературную традицию во времена, когда эта традиция была уже утрачена всем предшествующим развитием русской литературы, начиная с Петровской эпохи, и шла по совсем иному пути.

Кроме того, впервые вводится в научный оборот ряд памятников древнерусской литературы, переписанных и переработанных печорскими книжниками: новые литературные редакции и переработки И. С. Мяндина (повести о новгородском посаднике Щиле, о Тимофее Владимирском, о происхождении табака, новелла «Великого Зеркала» о царе, научившем приближенных бояться суда Божия, Сказание об Иосифе прекрасном, печорские списки и редакции «Слова о ленивых»). С привлечением еще не изучавшихся мяндинских списков заново исследован ряд литературных переработок И. С. Мяндина, рассматривавшихся ранее по одному списку (повести о Дмитрии Басарге, о царевне Персике). Пересмотрена текстологическая

концепция взаимоотношения двух мяндинских списков «Троянских сказаний» и впервые охарактеризована работа Мяндина при их создании в сюжетно-композиционном аспекте. Исследована ранее выявленная, но не изученная мяндинская редакция Жития Корнилия Выговского. Впервые исследован печорский вариант стихотворной фацеции «О купце и о жене его лукавой». Также впервые проанализирован и введен в научный оборот ряд литературных и исторических сюжетов в устной интерпретации печорских крестьян.

На основе разнообразных источников создана электронная база данных о печорских писцах, владельцах древнерусских рукописей, читателях старинной книжности, насчитывающая около 700 имен, собраны воедино и подготовлены к изданию писцовые, владельческие и читательские записи печорских крестьян, сохранившиеся на рукописных и старопечатных книгах, найденных на Печоре. На базе этих источников предложена характеристика литературной работы печорских крестьян, их читательских пристрастий и отношения к книге, открыты и введены в научный оборот имена местных книжников, сопровождаемые ссылками на все виды их деятельности, связанной с рукописной и старопечатной книгой.

В составе печорских рукописных сборников выявлено и впервые прокомментировано 384 памятника древнерусской литературы и 137 старообрядческих сочинений нескольких жанрово-тематических групп, наиболее активно читавшихся и переписывавшихся печорскими крестьянами: приведены сведения о месте их хранения, датировке, характере почерка и степени изученности по печорским спискам со ссылкой на соответствующие научные издания.

На основании изучения записей на рукописных и старопечатных книгах, попавших на Печору из других регионов, впервые выявлены места первоначальной локализации этих книг, позднее влившихся в состав крестьянских родовых библиотек усть-цилемцев, их первоначальные владельцы из числа первых царей династии Романовых и представителей княжеско-боярской знати XVII – XVIII вв., а также более демократических слоев населения центральной и северной России.

Впервые охарактеризованы особенности функционирования печорской рукописно-книжной традиции на завершающей стадии ее существования – во второй половине XX века.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Рукописно-книжная традиция, сформировавшаяся на территории Нижней Печоры, отражает целостную картину стадийно сменяющихся друг друга пластов русской средневековой литературной культуры в среде крестьян-старообрядцев XIX в., которые смогли не только оценить творчество древнерусских и старообрядческих писателей, но и переосмыслить его, сделав более близким их крестьянской жизни.

2. Печорские крестьяне, жившие в атмосфере устно-поэтического творчества, обладали таким устройством коллективной памяти, которое было ориентировано не на создание новых текстов, а на их повторное воспроизведение, поэтому в век Толстого и Достоевского, Чехова и Тургенева они смогли органично воспринять и воспроизвести многие средневековые литературные памятники, тематика и поэтика которых определены Священным Писанием. Однако, живя в эпоху «письменного сознания», печорские книжники в своей деятельности не могли не отразить одну из его особенностей – ориентацию на исключительные, единичные события. Именно такие события они находили в древнерусских переводных и оригинальных повестях, не подозревая о том, что за этими сюжетами порой стоят века их репродуктивного существования во многих мировых письменных и устных литературах. Эта тяга одновременно к исключительному, поражающему воображение, и к привычному, узнаваемому, породила тот феномен, который представляет собой печорская рукописная традиция.

3. Наиболее ярко особенности печорской рукописной традиции отразились в творчестве талантливого печорского книжника Ивана Степановича Мяндина. Созданные им переработки старинных повестей, житий и поучений свидетельствуют о его образованности и литературном чутье, об активном овладении им различными жанровыми формами средневековой литературы. Труды И. С. Мяндина – литературное явление значительного для народной, демократической культуры масштаба.

4. И. С. Мяндин предстает перед современным исследователем и читателем носителем двух разных типов сознания: письменного, для которого характерно внимание к причинно-следственным связям и результативности действий, и устно-поэтического, ориентированного на обычай, ритуал. Диапазон редакторских приемов И. С. Мяндина весьма широк и разнообразен – от незначительных сокращений и стилистической правки текста с целью его очищения от архаических языковых форм и упрощения синтаксиса до радикальной композиционной и сюжетной перестройки, насыщения текста новыми идеями, отражающими этические представления крестьянина-старообрядца XIX в.

5. Формирование книжных собраний печорских крестьян происходило двумя основными путями – за счет привоза на Печору ранних рукописных сборников XVII–XVIII вв. и старопечатных книг из разных районов России и путем копирования их местными переписчиками. Вкладные и владельческие записи, сохранившиеся на книгах печорского бытования, указывают на их происхождение из центральных районов России (Москвы, Рязани, Суздаля, Арзамаса, Костромы), а также из северных городов, имевших тесные связи с Коми краем (Великого Новгорода, Белозерска, Вятки, Сольвычегодска, Кемь). Значение этих записей далеко выходит за рамки проблем книжной культуры Нижней Печоры.

6. Печорские крестьяне прекрасно осознавали ответственность за сохранность старинных книг, гордились обладанием особо ценными сборниками, стремились зафиксировать, от кого и когда они приобрели ту или иную книгу, облачая свои записи в традиционные формы средневековых маргиналий. Читательские записи на печорских книгах свидетельствуют о том, что чтение старинной литературы было важной духовной составляющей повседневной жизни печорских крестьян, перенося их в мир, где они находили ответы на многие волновавшие их бытовые и онтологические вопросы.

7. В сознании усть-цилемских книжников сюжеты памятников средневековой и старообрядческой литературы обрастали легендарными мотивами и деталями, отражающими крестьянский взгляд на церковный раскол, превращаясь в устные рассказы, свидетельствующие о живом процессе взаимодействия в духовном бытии устьцилемов двух форм искусства слова – устной и письменной.

Теоретическая значимость работы состоит в охвате большого круга историко-литературных и историко-культурных проблем и их решении на обширном малоизученном или вовсе не изученном ранее материале, который позволяет обобщить разнородные и разрозненные до сих пор сведения о бытовании литературно-книжной традиции у старообрядцев Нижней Печоры. В результате наполняются конкретикой проблемы письменное – устное, христианское – дохристианское, каноническое – апокрифическое в рамках более глобальной проблемы читатель – текст. Выводы, предложенные в диссертации, дают возможность построить историю средневековой русской литературы не только как определенный завершившийся этап развития словесного искусства, но как продолжающуюся, пусть и на периферии культуры, единую линию, показывая тем самым в буквальном смысле слова непреходящее значение духовного опыта древнерусской литературы.

Содержащиеся в диссертации положения и выводы имеют и **научно-практическое значение**: они могут использоваться в работах исследователей старообрядческих книжных центров, в исследованиях по народной культуре и

демократической письменности, в работах усть-цилемских краеведов, школьных учителей, библиотекарей, что практически уже происходит в настоящее время: в ходе двух конференций «Мяндинские чтения» (2008 и 2010 гг.) местными работниками культуры были прочитаны доклады, использующие материалы публикаций автора диссертации.

По материалам диссертации на филологическом факультете и факультете искусств СыктГУ читаются спецкурсы «Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян», «История древнерусской книги», выводы диссертации используются при чтении общего курса «Истории русской литературы XI – XVII вв.».

Апробацию результаты исследования получили в докладах, прочитанных на 25 научных конференциях (1995–2011 гг.). в том числе *международных*: «Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества (Москва, 1995 г.), «Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (Сыктывкар, 2000 г.), «Рябининские чтения – 2003. Локальные традиции в народной культуре Севера» (Петрозаводск, 2003 г.), «Святитель Николай Чудотворец: проблемы генезиса и эволюции форм почитания, агиографии, иконографии, архитектурные ансамбли. К 450-летию реставрации и всероссийского прославления чудотворной иконы “Никола Великорецкий”» (Вологда, 2004 г.), «Переводная литература в Древней Руси. К столетию выхода “Переводной литературы” А. И. Соболевского» (Санкт-Петербург, 2004 г.), «Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (Новосибирск, 2005 г.), «Старообрядчество: история, культура, современность» (Москва, 2007 г.), «XXXIV Малышевские чтения» (Санкт-Петербург, 2010 г.), «Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья» (Санкт-Петербург, 2010 г.); *всероссийских*: «Старообрядчество: история, культура, современность» (Москва, 2002 г.), «Сельская Россия: прошлое и настоящее: исторические судьбы северной деревни (с. Усть-Цильма, 2006 г.), «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев» (Сыктывкар, 2008 г.), *межрегиональных*: «Старообрядческий мир Волго-Камского региона: проблемы комплексного изучения» (Пермь, 2001 г.), «VI Уральские археографические чтения» (Екатеринбург, 2003 г.), «Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе» (Новосибирск, 2011 г.), на ежегодных научных конференциях «Февральские чтения» в Сыктывкарском университете (1999, 2000, 2001, 2002, 2004, 2009 гг.), на организованной по инициативе диссертантки конференции, посвященной старообрядческой культуре низовой Печоры, названной именем печорского книжника И. С. Мяндина «Мяндинские чтения» (с. Усть-Цильма, 2008, 2010 гг.), которая в 2010 г. получила статус всероссийской. Прочитан доклад на расширенном заседании ученого совета СыктГУ об итогах изучения печорской книжности (2010 г.).

Проблемы изучения крестьянской литературы, стоящие в центре диссертационного исследования, отражены в двух монографиях (одна коллективная) и статьях, представленных в списке в конце автореферата

Структура диссертации

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка литературы и трех приложений. В Приложениях представлены материалы созданных автором диссертации баз данных о печорской книжности: список лиц, причастных к созданию и хранению рукописно-книжной традиции на Печоре с источниковедческими отсылками к первоисточникам и научным исследованиям, перечни древнерусских и старообрядческих литературных памятников, сохранившихся на Печоре и подробно рассмотренных в первой главе диссертации; публикуются записи писцов, читателей и владельцев старинных рукописных и старопечатных книг из числа печорских крестьян, оставленные ими на страницах рукописей и кириллических изданий.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** дано обоснование темы, сформулированы цели и задачи исследования, ее теоретическая и практическая значимость, предмет, материалы и методы исследования, охарактеризована степень изученности в настоящее время исследуемого материала.

Глава 1. Древнерусская и старообрядческая литература в печорской рукописной традиции

В данной главе представлены результаты изучения жанрово-тематического состава всего комплекса печорских сборников, в настоящее время хранящихся в составе нескольких собраний Санкт-Петербурга и Сыктывкара. Непосредственным предметом анализа стали печорские списки памятников древнерусской литературы четырех жанрово-тематических групп – агиографические, эсхатологические, исторические сочинения и повести различной жанровой ориентации, а также печорские списки сочинений первых старообрядческих писателей и выговских авторов. Помимо библиографической и источниковедческой информации, выявленной современными исследованиями этих средневековых и старообрядческих сочинений, глава содержит характеристики их функционирования в печорской рукописной традиции. Приводятся в более развернутом виде также результаты исследований, проведенных самим автором диссертации.

Глава состоит из четырех частей. В первой (**1.1. Памятники древнерусской литературы в круге чтения печорских крестьян**) дается характеристика печорских списков древнерусских произведений четырех указанных жанрово-тематических групп (**разделы 1.1.1. – 1.1.4.**); во второй части главы (**1.2. Старообрядческая литература и публицистика в составе печорских рукописных сборников**) представлен обзор сочинений старообрядческих авторов, вошедших в рукописные сборники, найденные на Печоре. Третья часть главы (**1.3. Печорские крестьяне – читатели старинных рукописных сборников**) содержит анализ и обобщение материалов разнообразных источников о читательских пристрастиях печорских крестьян, об истории расцвета и угасания читательской культуры устьцилемов. Для этого используются читательские записи на рукописных и старопечатных книгах печорского бытования, классификация которых по типу и содержанию помогает выявить традиционные и новые формы выражения читательских интересов, используемые печорскими крестьянами, понять их отношение к старинной книге, охарактеризовать сам процесс чтения и тот жизненный контекст, в котором оно проходило.

В завершающей главу части (**1.4. Литературные и исторические сюжеты в устной интерпретации печорских крестьян**) проанализированы материалы фольклорного архива СыктГУ, содержащие записи устной прозы печорских крестьян и представляющие интерес в контексте рассматриваемой в диссертации проблемы взаимопроникновения двух традиций – письменной, книжной, связанной со средневековой книжной культурой, и устно-поэтической, народной.

Анализ привлеченного рукописного материала *в хронологическом аспекте* показал, что печорские крестьяне сохранили целый ряд ранних списков известных произведений древнерусской литературы: житий Алексея, человека Божия; Стефана Пермского; Василия Блаженного; Петра, царевича ордынского; Послания Геннадия, архиепископа новгородского, неизвестному лицу; Повести о Темир-Аксаке (списки XVI в.), несколько прологов XVI–XVII вв. Значителен массив списков XVIII в. (334 сп.), прежде всего связанных с творчеством выговских писателей. Большую группу составляют и списки XIX в. (374 сп.), созданные печорскими писцами. Анализ *репертуара* печорских рукописных сборников показал, что основные жанры древнерусской литературы и наиболее значимые старообрядческие сочинения были

хорошо известны печорским крестьянам, при этом многие представляют собой печорские редакции, созданные И. С. Мяндиным.

Анализ *степени изученности* печорских списков древнерусских и старообрядческих сочинений показывает, что они неравномерно охвачены вниманием ученых. Наиболее исследованными оказались памятники старообрядческой литературы и печорские переработки древнерусских повестей. Наименее изучены печорские списки житий, особенно отдельных повестей из прологов, патериков и других назидательных сборников, в том числе и мяндинские списки.

В читательских записях на печорских книгах часто выражена высокая оценка переписываемых древнерусских сочинений, которая выливается в слова благодарности владельцу книги, а сам читательский процесс воспринимается как ответственный и жизненно важный труд, приносящий духовную радость.

Изучение записей устных рассказов печорских крестьян выявило преимущественный интерес устьцилемов к библейским сюжетам, связанным с эдемским периодом в истории человечества и обстоятельствами рождения Иисуса Христа. Не могли не привлечь печорских старообрядцев и личности двух самых ярких деятелей церковного раскола – патриарха Никона и протопопа Аввакума, при этом в записанных на Печоре рассказах соединяются как далекие от реальности и неизвестные по литературным произведениям факты их биографий, так и мотивы, почерпнутые из письменных памятников, прежде всего из Жития протопопа Аввакума. Из сюжетов исторического повествования более всего привлекло внимание печорцев повествование о «Соловецком осадном сидении», соединившееся в сознании печорских крестьян с сюжетом другого «осадного сидения», произошедшего на Усть-Цилемской земле – на Пижме, в Великопоженском скиту и также окончившееся трагически – гибелью многих людей, добровольно сгоревших в скитской часовне.

Дошли в устных рассказах печорских крестьян и отголоски эсхатологических литературных текстов, которые были широко распространены на Печоре. Многие мотивы этих рассказов восходят к разнообразным эсхатологическим литературным памятникам, начиная с Откровения Иоанна Богослова, кончая компиляциями, созданными в старообрядческой среде.

Глава 2. Новые редакции текстов и литературные переработки И. С. Мяндина

В данной главе диссертации приведены результаты исследования литературно-редакторского творчества усть-цилемского книжника Ивана Степановича Мяндина (1823–1894) – профессионального печорского писца, оставившего большое рукописное наследие, редактора древнерусских и старообрядческих сочинений. И. С. Мяндин соединил в себе умного читателя, упорного собирателя книжных ценностей, трудолюбивого книгописца, неутомимого переплетчика, старательного художника и, наконец, писателя, вложившего в сюжеты древнерусских сочинений свое понимание счастья и правды, отразившее представление об этих «вечных проблемах» его земляков-устьцилемов.

Глава состоит из 11 разделов, которые предваряет краткий биографический очерк личной и общественной жизни И. С. Мяндина. Первый раздел главы (**2.1. Первоисточники исследования**) содержит материал об основных рукописных сборниках, составленных Мяндиным: их палеографическую и кодикологическую характеристику, описание состава, степени изученности входящих в них произведений, сведения об истории их приобретения, их владельцах и читателях. Второй раздел главы (**2.2. Принципы и приемы редакторской работы И. С. Мяндина**) содержит характеристику Мяндина как редактора, основанную на всем круге имеющихся к настоящему времени исследований о мяндинских переработках, в том числе и на результатах исследований автора диссертации. Последующие разделы главы (**2.3–2.11.**) посвящены отдельным переработкам Мяндина, впервые исследованным автором

диссертации или исследованным ею по новым, ранее не изучавшимся спискам Мяндина).

Исследование мяндинских переработок открывается в диссертации анализом «**Повести о новгородском посаднике Щиле**» (раздел 2.3.), созданной в XV в. В диссертации впервые исследуются три печорских списка Повести: два мяндинских – ИРЛИ УЦ 66 (л. 280–285; далее – М) и РНБ, НСРК. О. 100 (сборник М. А. Яковлева, л. 74 об. – 79; далее – Як.), а также список ИРЛИ УЦ 91 (л. 21 об. – 33), находящийся в рукописи, частично переписанной Мяндиным (9–19), что позволяет предположить знакомство Мяндина с этим списком.

Сопоставление мяндинских списков М и Як. со списком УЦ 91 показало, что они относятся к тому же третьему варианту II редакции (по классификации И. П. Еремина³), как и УЦ 91, и представляют собой его сокращенный вариант, при этом весьма близки между собой по тексту. Список Як., по нашим наблюдениям, был создан первоначально, но и при создании второго списка (М) Мяндин снова обращался к своему источнику.

Редакторская работа Мяндина над текстом «Повести о посаднике Щиле» состояла, во-первых, в сокращении текстовых повторов, оформляющих повторы сюжетные; во-вторых, в сокращении отдельных подробностей. Наряду с сокращениями текста источника Мяндин в отдельных случаях упрощает переписываемый текст, заменяя прямую речь косвенной.

Прделанная Мяндиным редакторская работа привела к перестановке акцентов в повествовании о Щиле – внимание читателя с однотипных, повторяющихся действий сына «лихоимца», описанных к тому же в сходных выражениях, переключается на самого героя Повести – грешника Щила, за посмертной судьбой которого и следил читатель мяндинского текста. Для Мяндина-старообрядца, по-видимому, более важным в сюжете Повести был сам факт покаяния Щила, его полная отдача на волю Бога и полученное затем через сына прощение, чем детали ритуала отмаливания грехов отца сыном во время церковных служб.

В следующем разделе данной главы (2.4.) мы обращаемся к анализу мяндинского списка «**Повести о Тимофее Владимирском**». Созданная на рубеже XV–XVI вв., эта повесть по своей тематике и поэтике вписывается в разные историко-литературные контексты: по тематике она связана с кругом произведений о раскаявшихся грешниках, повестями о русско-татарских отношениях накануне окончательного падения монголо-татарского ига, по своему экспрессивному стилю она сближается с историко-беллетристическими повестями XVI в., отдельные сюжетные мотивы и стилистические приемы роднят ее с агиографическим повествованием. Такая тематическая и жанрово-стилистическая многогранность Повести о Тимофее Владимирском придает ей художественное своеобразие, привлекающее и печорского книжника. Предметом анализа в разделе служит не привлекавший еще внимания исследователей мяндинский список Повести ИРЛИ УЦ 70 (л. 55 об. – 69 об.), сопоставляемый с двумя редакциями, охарактеризованными и изданными М. О. Скрипилем⁴.

Проведенное нами сопоставление печорского списка Повести со списками I и II редакций показало, что в УЦ 70 обнаруживается, помимо характерного для мяндинских переработок сокращения текста источника, композиционно стилистическая перестройка отдельных эпизодов Повести, которая вкупе с произведенными сокращениями меняет характер сюжета, приоритет читающихся в нем мотивов.

Одним из переработанных Мяндиным фрагментов является рассказ о погребении отроком внезапно скончавшегося Тимофея. В I и II редакциях Повести

³ Еремин И. П. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 59-151.

⁴ Скрипиль М.О. Повесть о Тимофее Владимирском // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 287-307.

эмоциональный рисунок повествования строится на постепенном переходе отрока от печали к радости в связи с доставшимися ему от Тимофея богатствами. В мяндинской редакции эта сюжетно-композиционная структура разрушается: описание богатств, которые достались отроку от казанского воеводы, из развязки сюжета перенесено в экспозицию. При этом вводится мотив ужина отрока после погребения Тимофея, завершающий целостную картину похоронного обряда, которая у Мяндина расширена рядом подробностей (размер могилы, пение псалмов). Таким образом, развязка эпизода в печорском списке, лишившись эффектного описания обретенных отроком драгоценностей, перестает играть роль эмоциональной доминанты, утрачивается и противопоставление «радости» «слезам», так как в печорском списке опущен мотив оплакивания отроком Тимофея: земные слезы отрока печорский редактор заменил духовным пением псалмов, что, по-видимому, представлялось ему более подходящим для рассказа о похоронах раскаявшегося грешника.

Тема внезапно обретенного бедным пленником богатства постепенно выдвигается в печорском списке на первый план, несколько отодвигая главную тему первоначального текста – тему неожиданного раскаяния закоренелого грешника. Это особенно явственно ощущается в эпилоге Повести, рассказывающем о возвращении отрока в Москву: повторный перечень привезенных им драгоценностей приковывает внимание читателей к земной стороне произошедшего чуда. В завершающем эпилог тексте печорского списка эта тенденция побеждает, и тема земной награды за духовный подвиг отрока получает оригинальное развитие. Печорский книжник в соответствии со сказочной традицией дорабатывает краткое сообщение I и II редакций о получении отроком в виде награды от князя и митрополита земельного надела, приводя описание его дальнейшей счастливой жизни в доме «близ Москвы» и женитьбы на «добродетельной» девице. Такой финал, очевидно, представлялся печорскому книжнику наиболее подходящим для раскрытия темы воздаяния за благие дела еще на земле, в земной жизни.

Далее во второй главе диссертации (**раздел 2.5.**) анализируются особенности «**Повести о Дмитрие Басарге**» по двум мяндинским спискам – ИРЛИ УЦ 66 (л. 291–299; далее М) и РНБ, НСРК О. 100 (л. 62–70; далее Як.), что дает возможность показать новые аспекты работы Мяндина-редактора. Мы привлекли к анализу помимо исследованного Е. П. Ширмаковой мяндинского списка М⁵ другой, ранее не изучавшийся мяндинский список Повести – Як. Сравнительный анализ двух мяндинских списков показал, что они представляют собой два самостоятельных варианта печорской редакции, существенно отличающиеся друг от друга разработкой отдельных мотивов и объемом, но родственные по композиционному решению и основному тексту.

Решая вопрос о последовательности появления этих вариантов, мы установили вторичность списка М: в нем обнаруживаются следы сокращения текста, читающегося в Як., исправлены многие описки списка Як.

Проведенный нами текстологический анализ показал, что в руках у печорского книжника был список Повести, сохранивший ряд чтений ранних вариантов Киевской редакции повести (1в, 1г), по классификации М. О. Скрипиля⁶, но отражающий более позднюю стадию в развитии ее текста. При этом к подобному списку Мяндин, по-видимому, обращался дважды, по-разному используя в Як. и М его текст.

Различаются мяндинские варианты и художественной разработкой сюжета, а также трактовкой финала. Списки М и Як. отражают два разных подхода печорского

---

⁵ Ширмакова Е. П. Повесть о Басарге в Усть-Цилемской обработке // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 267–269.

⁶ См.: Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исследование и подгот. Текстов М. О. Скрипиля.; под. Руд. Л. А. Дмитриева. Л., 1969.

книжника к раскрытию этого старинного сюжета – в одном случае в Мяндине побеждает «реалист», стремящийся рационалистически объяснить непонятную доверчивость «нечестивого» царя, приведшую его к гибели (список М), в другом – «мистик», стремящийся в описываемых событиях увидеть скрытый промысел Божий, объяснить их как чудо, ниспосланное Богом (список Як.). При этом «прагматик» пришел на смену «мистику».

Наше изучение следующей мяндинской переработки – «**Повести о царевне Персике**» (раздел 2.6.), мало изученного памятника русской прозы первой половины XVIII в., своими истоками восходящего к мировому сказочному фольклору и христианской легенде, также состояло в привлечении к анализу второго, ранее не изучавшегося мяндинского списка: помимо исследованного В. И. Малышевым списка ИРЛИ УЦ 67 (л. 165–195 об.; далее П)⁷, мы изучили список Повести, читающийся в составе мяндинского «Торжественника» (НБ СыктГУ УЦ р. 46, л. 303–318 об., электронная копия; далее – Т), а также ранее не исследованный список памятника XVIII в. РНБ, О. XVII. 42 (л. 116–130 об.; далее – Р).

Для выяснения источников мяндинской редакции мы сопоставили опубликованный В. В. Сиповским киевский список «Персики»⁸ (далее – К) и список Р, содержащий начальный фрагмент Повести, и установили, что в этих списках представлены два разных варианта основной редакции – пространный (Р) и краткий (К). В распространениях списка Р отчетливо ощущается стилистическая стихия Петровской эпохи с характерной для нее лексикой. Уточнения списка Р иногда приобретают существенное значение для раскрытия сюжета, так как играют в нем роль мотивировок поступков героев. На основе сделанных наблюдений мы пришли к выводу о том, что текст, дошедший в списке К, отражает второй этап в истории основной редакции Повести, когда ее текст, созданный в Петровскую эпоху и несущий на себе ее отпечаток, позднее был сокращен с потерей целого ряда сюжетных подробностей и мотивировок и стилистически упрощен. Сопоставление печорских списков Повести со списками К и Р показало, что текст печорской редакции ближе к тексту, отразившемуся в Р, чем к тексту списка К. Таким образом, оригинал печорской редакции был создан, по-видимому, на основе какого-то списка основной редакции, сходного с Р и еще не имевшего сделанных позднее сокращений текста.

Сопоставительный анализ двух мяндинских списков «Персики» показал, что они представляют собой разные варианты Печорской редакции, причем вариант Т является более полным по сравнению с вариантом П. Сокращения списка П различны по своему характеру: от устранения некоторых подробностей, не меняющих смысла повествования, до утраты подтекста внешнего развития событий.

Различаются списки П и Т и текстом оригинальной концовки, введенной печорским редактором. Помимо композиционной перестройки текста концовки в П заметно стремление к беллетризации текста: сообщение о передаче царской власти Евгению и Персике из авторской речи переведено в прямую и вложено в уста самого царя Михаила; фрагмент концовки, описывающий радость горожан о воцарении нового царя, финальный в П, передан в более разговорной манере, чем соответствующий фрагмент в Т.

Эти наблюдения показывают, что два мяндинских списка отражают два разных этапа работы И. С. Мяндина над текстом Повести о царевне Персике: список Т – первый этап, на котором текст Повести тщательно «прописан», во многом ориентируется на стиль и повествовательные приемы средневековых «душеполезных» повестей, список П – второй этап, отражающий процесс дальнейшей переработки Повести.

⁷ Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 326–327.

⁸ Сиповский В. В. Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1905. С. 254–267

Таким образом, еще одна переработка Мяндина, дошедшая в двух списках, свидетельствует о творческой работе Мяндина не только над чужим текстом, но и над своим собственным.

В разделе 2.1.7. рассматриваются приемы переработки Мяндиным повествовательного материала **«Великого Зеркала»** – сборника нравоучительных рассказов и легенд, который был хорошо известен печорским крестьянам, оценившим назидательность новелл «Великого Зеркала» (далее – ВЗ) и одновременно занимательность их сюжета.

Новелла ВЗ «Како подобает бояться суда Божия милосердный некий царь научи»⁹ дважды была переписана Мяндиным: в сборниках ИРЛИ УЦ 67 (л. 221–232 об.) и УЦ 70 (л. 70–77 об.). По записям, сохранившимся на полях рукописей, мы установили, что сборник УЦ 67 появился раньше, чем УЦ 70 – до 1875 г., тогда как УЦ 70 – в 1882 г.

Сопоставительный анализ двух мяндинских списков **«Повести о некоем царе, како научи брата своего и вельмож бояться страха Божия»** (так печорский книжник назвал свою переработку новеллы ВЗ) показал, что Мяндин не только стилистически обработал текст новеллы ВЗ, но дополнил его несколькими сюжетными эпизодами, почерпнутыми из другого древнерусского литературного источника – «Повести о Варлааме и Иоасафе». В результате изменилось не только тематическое наполнение вновь созданного рассказа по сравнению с его источниками, но трансформировалась сама жанровая природа исходного материала: притчевая структура, присущая обоим текстам-источникам, в результате объединения Мяндиным разных сюжетов и изменений, внесенных в текст, потеряла свой лаконизм и однозначность. «Повесть» Мяндина утрачивает необходимую для притчи тематическую цельность, а образы главных героев повествования теряют притчевую обобщенность, приобретая некоторые конкретные черты жизненного поведения. В результате сокращений, произведенных Мяндиным, остаются нереализованными и некоторые задачи притчевого сюжета новеллы ВЗ, утрачивается его семантическая глубина. Способствует преобразованию художественной структуры источников в мяндинском тексте и введение в конце «Повести» назидательного наставления читателям, заменяющего скрытый дидактизм притчи прямым морализаторством.

Рассмотренная в разделе 2.8. мяндинская переработка **«Троянских сказаний»** (списки ИРЛИ УЦ 66, л. 116–139 об; далее М) и УЦ 267, л. 288–323; далее – А) позволяет выявить более сложные приемы редакторской работы печорского книжника, лежащие уже в сфере композиционно-сюжетной перестройки источника.

Созданная Мяндиным редакция «Троянских сказаний» была впервые исследована О. В. Твороговым¹⁰. В диссертации расширяются и уточняются первоначальные наблюдения ученого. Список М рассматривался О. В. Твороговым как мяндинский, а список А – как анонимный, поскольку в описании В. И. Малышева он ошибочно датируется 10-ми гг. XX в. (то есть временем после смерти усть-цилемского переписчика). Однако почерк рукописи ИРЛИ УЦ 267, палеографический анализ бумаги сборника и имеющаяся в нем запись владельца 1898 г. позволяют атрибутировать Мяндину и список А.

Сопоставление двух мяндинских списков «Троянских сказаний» показывает, что они отражают два разных этапа работы печорского книжника над сюжетами о походе аргонавтов и падении Трои: в списке А представлен более ранний этап редакторской работы Мяндина, в М – следующий этап в освоении Мяндиным троянских сюжетов. Текст списка А отличается от текста списка М не только стилем, более приближенным к древнерусским источникам, но и гораздо большим объемом, а

⁹ Глава 38. (см.: *Державина О. А.* «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 218–219)

¹⁰ Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // *Рукописное наследие Древней Руси. (По материалам Пушкинского Дома)*. Л., 1972. С. 228–241.

также иным композиционным распределением ряда общих с М сюжетных эпизодов. Неспешный эпический рассказ списка А о взятии Трои существенно преобразуется в версии М. Сюжет здесь обретает стремительность, все события осады Трои как бы нанизываются на единый стержень, которым становится трагическая судьба Ахиллеса. Это достигается, во-первых, сокращением ряда военных эпизодов, отвлекающих в А внимание читателя от основной сюжетной линии, во-вторых, композиционной перестройкой текста, способствующей психологическому углублению сюжетных мотивировок и концентрации тематически близкого материала в одной точке повествования. Таким образом, список М отразил целенаправленную редакторскую работу Мяндина, в результате которой появилась существенно сокращенная и художественно усовершенствованная версия «Троянских сказаний».

В разных списках «Сказаний» Мяндин использует и разные стилистические приемы повествования. В списке А он опирается на сказочную поэтику, в списке М активизирует другую тенденцию – стремление к конкретности повествования, к лаконизму, позволяющему сосредоточить внимание на главном, к прояснению для читателя «реалистических» мотивов поступков своих героев.

Серьезная работа Мяндина как редактора, проявляющаяся в художественной разработке сюжета, обнаруживает себя и в мяндинских версиях «**Сказания об Иосифе прекрасном**» (списки ИРЛИ УЦ 267, л. 35 об. – 55, УЦ 66, л. 29 об. – 47 об. и РНБ НСРК О.100, л. 135 об. – 146 об.), рассмотренных в **разделе 2.9** данной главы. Источниками для Мяндина здесь послужили, во-первых, хронографический рассказ об Иосифе, сохранивший все основные фабульные узлы библейского сказания, во-вторых, «Слово 104» Ефрема Сирина из его сборника «Паренесис», сохранившееся на Печоре в нескольких отдельных списках и в составе печатного Паренесиса. При этом в работе над сюжетом Сказания Мяндин в основном опирался на осмысление образа Иосифа как праведника, ставшего жертвой сначала завистливых братьев, а затем блудницы, Ефремом Сириным, почерпнув из его «Слова» ряд подробностей сюжета, которые отсутствовали в Хронографе. Однако образы и самого Иосифа, и его соблазнительницы под пером Мяндина постепенно меняли и свое стилистическое решение, и идеологическое наполнение.

Изучение трех мяндинских списков Сказания показало, что *первоначальный этап* разработки Мяндиным сюжета об Иосифе отразился в списке УЦ 267. Здесь еще не введено ни одного нового сюжетного мотива, но уже заметна художественная разработка отдельных эпизодов. *Второй этап* отражен в списке УЦ 66, самом объемном из трех мяндинских списков. На этой стадии работы Мяндин еще полностью следует за композицией своих источников, но уже вводит в сюжет новое действующее лицо – некую Селиму, невесту Иосифа, и добавляет новые подробности начала жизни Иосифа в доме Потифара, свидетельствующие о крестьянском взгляде Мяндина на описываемую ситуацию. Существенно переосмыслиется на этой – второй – стадии работы Мяндина и образ соблазнительницы Иосифа: из «орудия сатаны», «окаянной блудницы» Далука (как именуется здесь жена Потифара) в списке УЦ 66 превращается в любящую и страдающую женщину. На *третьем этапе* освоения сюжета (список РНБ НСРК О.100) печорский книжник сокращает многие сюжетные мотивы и детали, внесенные на второй стадии работы, причем иногда создается впечатление, что он как бы подразумевает знание читателем текста предшествующей версии Сказания. В этом – третьем – списке «Иосифа» заметна дальнейшая работа Мяндина над образом главного героя. Особое внимание отводится сцене соблазнения Иосифа женой Потифара. Тема Селимы, возлюбленной Иосифа, вводится прямо в монолог Далуки, воспринимающей ее как соперницу. Меняется и рисунок поведения Иосифа, который здесь едва не уступает напору влюбленной женщины. Таким образом, рассказывая историю преданного братьями Иосифа, печорский книжник попытался заполнить те «пустоты» в психологической обрисовке персонажей, которые были им обнаружены в его

источниках – средневековых текстах, выполнявших совсем иные художественные задачи.

Привлекала внимание Мяндина и старообрядческая литература. В разделе **2.10.** анализируется мяндинская редакция «**Жития Корнилия Выговского**», основателя Выговской пустыни. Известно пять его списков, найденных на Печоре, которые были исследованы Д. Н. Брецинским, установившим их принадлежность разным вариантам Пахомиевской редакции¹¹. Один из печорских списков Жития – ИРЛИ УЦ 66, л. 254-270 об. – создан Мяндиным. В диссертации характеризуются особенности мяндинской редакции Жития Корнилия, осмысляются приемы переработки Мяндиным источника в контексте выявленных ранее принципов редактирования печорского книжника.

Основная направленность редакторской работы Мяндина над текстом Жития состояла в последовательном сокращении тех его эпизодов, которые в Основном и Особом вариантах Пахомиевской редакции создавали фон для рассказа о скитальческой жизни героя и непосредственно не касались его личности. Мяндин лишь пунктирно обозначает эти этапы, оставляя в повествовании только «связанные мотивы», необходимые для логической последовательности рассказа. Сокращение текста Жития произведено Мяндиным довольно искусно: в его рассказе сохранены все основные моменты скитальческой жизни Корнилия, которая благодаря устранению ряда побочных эпизодов и подробностей представляла перед читателем хотя и несколько схематично, но зато более четко очерченной, при этом личность Корнилия выдвигалась на первый план, не заслоненная множеством эпизодических персонажей.

Проведенное нами текстологическое исследование показало, что в ряде случаев мяндинский список Жития обнаруживает близость к тексту не Основного вида Пахомиевской редакции (представленной на Печоре списком ИРЛИ УЦ 52), а Особого (печорские списки ИРЛИ УЦ 42 и УЦ н. 193). Если учесть, что рукопись УЦ н. 193 была реставрирована Мяндиным, можно предположить, что входящий в нее список Жития и был им использован как источник.

Как видим, и в этой мяндинской переработке личность редактора проявилась в уже знакомых нам аспектах: сокращение текста и «выпрямление» композиции приводят к перестановке акцентов в повествовании, выделяя главную сюжетную линию и концентрируя внимание на герое повествования. Сохраненные Мяндиным подробности пахомиевского рассказа также характеризуют редактора с уже знакомой стороны: его и здесь не оставили равнодушными моменты внутреннего волнения героя, связанные с интимными переживаниями, бытовые подробности скитальческой жизни Корнилия. Таким образом, и в жанре агиографии печорский книжник иногда позволял себе вмешиваться в переписываемый текст и, не решаясь здесь что-либо вносить от себя, все же шел на значительное сокращение источника.

Завершает вторую главу раздел **2.1.11.**, посвященный мяндинским спискам и редакциям древнерусского «**Слова о ленивых**», которые рассматриваются в диссертации в контексте всех дошедших печорских списков «слов» о лени («слова» 48-е и 49-е, приписываемые Василию Кесарийскому, из Измарагда XVII в. (БАН, Тек. пост. 400, л. 79–80 об.; 80 об. – 81 об.), 6 списков «Слова о ленивом и сонливом» («из Пчелы»): ИРЛИ УЦ 16 (л. 141 – 141 об.), УЦ н. 94 (л. 174 – 176 об.); НБ СыктГУ – УЦ р. 172, л. 1–3 (фрагмент) и мяндинские списки ИРЛИ УЦ 120 (л. 29–32) и УЦ 67 (л. 22–25), а также список ИРЛИ УЦ 91 (л. 1–4 об.), находящийся в сборнике, частично переписанном Мяндиным).

Текстологическое изучение этих списков показало, что они восходят к разным версиям «Слова о ленивом», при этом три списка – УЦ 91 и два мяндинских списка – УЦ 67 и 120 – явно восходят к общему источнику, т. к. имеют ряд только им

---

¹¹ *Брецинский Д. Н.* Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 3. С. 127. сн. 2.

присущих чтений, отсутствующих во всех остальных известных нам списках «Слова о ленивых».

Однако печорский книжник не ограничился и в этом случае простым копированием понравившегося текста: сохранив только самое начало «Слова о ленивых» «из Пчелы», он создает на его основе свою оригинальную версию, наполнив ее личными весьма конкретными и реалистическими наблюдениями над жизнью и бытом некоторых своих обленившихся односельчан (списки ИРЛИ УЦ 70, л. 35 об. – 36 об., УЦ н. 322, л. 37 об. – 39), а затем создает и расширенный вариант своего поучения, назвав его «Рассуждение» (ИРЛИ УЦ 67, л. 25 об. – 29 об.).

Сопоставление мяндинских списков «Слова» позволило реконструировать последовательность работы Мяндина над текстом древнерусского «Слова о ленивых». Сначала на основе печорского списка Слова УЦ 91 он создает два близких по тексту, но все же разных его варианта (УЦ 67 и УЦ 120). Органично войдя в проблематику Слова как его переписчик, Мяндин далее создает новую (краткую) редакцию памятника, еще связанную с источником своим началом, но заполненную новыми картинами крестьянского быта, а затем, уже совсем отойдя от средневекового источника, пишет «Рассуждение», в котором дидактически-философское начало побеждает описательно-образное.

Рассматриваются в диссертации и варианты печорской редакции «Слова», переписанные другими печорскими писцами, по теме и стилистическому решению близкие спискам Мяндина – ИРЛИ УЦ 71 (л. 9 об. – 11) и УЦ 47 (л. 12 – 14 об.).

Глава 3. Создатели и хранители печорской рукописной традиции

Третья глава диссертации посвящена исследованию путей формирования фонда рукописных и старопечатных книг, бытовавших на Печоре в составе крестьянских библиотек; здесь характеризуется вклад отдельных печорских семей в сохранение старинной книжности в Усть-Цилемском крае, на основе анализа владельческих записей выделяются типы хранителей старинной книжности на Печоре. Глава состоит из двух частей и нескольких разделов.

В первой части (**3.1. Источники формирования крестьянских библиотек на Печоре**) реконструируются допечорские «биографии» книг, устанавливается первоначальная локализация позднее попавших на Печору рукописей и старопечатных книг, их принадлежность в прошлом монастырским и церковным библиотекам в центральных и северных областях России (см. **раздел 3.1.1. Книги из церковных и монастырских библиотек**); затем характеризуется деятельность местных писцов, ставшая вторым источником формирования рукописно-книжной традиции в Усть-Цилемском крае (см. **раздел 3.1.2. Книгописная деятельность печорских крестьян**).

Во второй части третьей главы (**3.2. Хранители старинной книжности на Печоре**), во-первых, реконструируется состав личной библиотеки печорского переписчика и писателя И. С. Мяндина (**раздел 3.2.1.**); во-вторых, выявляются книги из родовой библиотеки Мяндиных (**раздел 3.2.2.**), рассматриваются примеры миграции книг из одной родовой библиотеки в другие (**раздел 3.2.3.**); в-третьих, анализируются материалы археографических экспедиций, содержащие информацию о последних владельцах старинной книжности на Печоре (**раздел 3.2.4.**, завершающийся двумя очерками, посвященными самым заметным фигурам среди местных старообрядческих книжников второй половины XX в., – пижемскому наставнику С. Н. Антонову и усть-цилемской наставнице Ф. Е. Чупровой); в-четвертых, выявляются типы владельческих записей, оставленных печорскими крестьянами на рукописных и старопечатных книгах (**раздел 3.2.5.**).

Изучение вкладных и владельческих записей, относящихся к раннему периоду формирования печорской рукописно-книжной традиции, выявило их важное историко-литературное значение: они открывают существенную роль монастырских и церковных библиотек самых разных районов России (Москвы, Рязани, Суздаля,

Великого Новгорода, Вятки, Сольвычегодска и других городов) в создании печорских родовых книжных собраний и одновременно восполняют «белые пятна» в истории этих монастырских и церковных библиотек; открывают новые страницы и в истории вкладов в провинциальные монастыри первых царей династии Романовых, характеризуют книжные интересы представителей княжеско-боярской знати XVII – начала XVIII вв.

Труд печорских писцов, позволивший крестьянам-старообрядцам далекого северного края приобщиться к духовным ценностям средневековой христианской литературы, составил важную страницу в истории печорской рукописной традиции, обогатил ее большим количеством древнерусских литературных памятников самых разных жанров, сочинений старообрядческих писателей, различными богослужебными текстами, столь необходимыми печорским крестьянам в их повседневной религиозной практике. Писцовые записи, сделанные в основном переписчиками-непрофессионалами, показывают их почтительное отношение к средневековым текстам, унаследованное от древнерусской литературной ситуации «читатель – текст», «автор – текст». Это выразилось в манере общения переписчиков со своими читателями (извинения за допущенные ошибки, обозначение сроков работы, шуточные поговорки и т. д.). Печорские книжники отмечали также конкретные обстоятельства и условия своей работы, отражающие бытовую и духовную атмосферу печорского села XIX – начала XX в.

Самым трудолюбивым и талантливым из печорских писцов был Иван Степанович Мяндин, выработавший свой собственный аккуратный полууставной почерк, освоивший также ремесло переплетчика, умевший реставрировать пострадавшие от времени рукописи. Переписанные им литературные и богослужебные тексты свидетельствуют о его разносторонних интересах в области средневековой и старообрядческой литературы. Изучение некоторых печорских рукописей показало, что и другие представители рода Мяндиных интересовались старинной книгой, собирали свои семейные библиотеки и бережно их хранили.

В XX в. наблюдается постепенное угасание рукописно-книжной традиции в Усть-Цилемском районе, но в последние годы текущего столетия появились приметы возрождения интереса к старинной книжности у современных устьцилемов. Многие из них осознают ценность доставшихся им по наследству книжных богатств и для сохранения фамильной «родовой памяти», и для их научного изучения. Современные усть-цилемские краеведы, учителя, архивные и библиотечные работники – представители различных печорских родов – в настоящее время занимаются составлением своих родословий, интересуются исследованиями о печорской рукописно-книжной традиции и, не пытаясь возродить ее в прежних формах, стремятся сохранить память о ней и воспитать в своих земляках чувство гордости за своих предков.

Возникновение в последние десятилетия такого интереса к книжной культуре дедов и прадедов у современных устьцилемов, по-видимому, связано с разрушением советского культурного пространства, с открывающимся пониманием ценности утраченного культурного наследия.

В **Заключении** кратко сформулированы основные выводы диссертации. Приведем главные из них.

1. Печорская литературно-книжная традиция – явление уникальное в силу жанрового разнообразия сохраненных и переписанных печорскими крестьянами древнерусских и старообрядческих сочинений, многие из которых были переосмыслены и переработаны печорскими книжниками XIX – начала XX вв. Характер этих переработок свидетельствует об органичном соединении в сознании печорских редакторов разных типов «культурной памяти» – памяти «коллективной» и памяти «письменной». Первая, ориентированная на повторное воспроизведение текстов, помогала им органично воспринимать

средневековые сочинения с их традиционностью, этикетностью и воспроизводить их в новой исторической обстановке; вторая, ориентированная на «исключительные», единичные события, приковывала их внимание к драматическим сюжетам переводных и оригинальных древнерусских повестей. Не подозревая о том, что за их сюжетами порой стоят устойчивые схемы мирового фольклора и древних литератур, печорские крестьяне воспринимали их именно в рамках «письменного сознания» как неповторимые и потому особенно привлекательные. Эти исключительные события поражали воображение устьцилемов не только своей экстраординарностью, но и определенными параллелями, рождавшимися в их сознании и обусловленными сложными жизненными проблемами их собственной семейной жизни и не менее сложными отношениями со светскими и церковными властями.

Соединение двух традиций – устно-поэтической, тяготеющей к повторяемости, и письменной, ориентированной на исключительность, – составило своеобразие печорской рукописной традиции.

2. Печорские крестьяне XIX–XX вв. не просто хранили дедовское книжное наследство, а читали и осмыслили средневековые произведения, соотнося их со своим жизненным опытом, переосмыслили трагические архаические сюжеты, насыщали их эсхатологическими мотивами, идеями покаяния, волновавшими старообрядцев, но порой вносили в них и оптимистическую ноту.

3. Обозначенные тенденции нашли особенно яркое проявление в творчестве усть-цилемского книжника Ивана Степановича Мяндина. Судя по усвоенному им и своеобразно переработанному обширному пласту средневековой литературы, Мяндин обладал незаурядными способностями, трудолюбием, широтой литературных интересов, любознательностью и стремлением донести до своих земляков не только важнейшие христианские идеи, но и простые человеческие истины, почерпнутые в рукописных повестях об экзотических странах и героях. Будучи, как и все его земляки, носителем двух разных типов сознания, Мяндин зачастую использует в списках одного и того же произведения разные принципы повествования: в одних, раскрывая излюбленные старообрядческие идеи, создает агиографические модели, в других использует поэтические средства фольклора, помогавшие ему донести до читателей демократические идеи о близких народу правителях и земной награде за добрые дела.

Таким образом, в печорской старообрядческой рукописно-книжной традиции, продолжающей жизнь средневековых литературных памятников в иную эпоху и в иных исторических обстоятельствах, можно видеть особое явление русской культуры в целом. Эта традиция сохранила для нас тексты древнерусских сочинений, показала их способность трансформироваться под пером печорских книжников, связав тем самым прошлое и настоящее русской литературы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК

1. Волкова Т. Ф. Житие Кирилла Белозерского в составе Усть-Цилемского Торжественника (К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина) / Т. Ф. Волкова // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь СПб. : «Дмитрий Буланин», 2008. С. 411–421.

2. Волкова Т. Ф., Михайлова М. В. Сказание об Иосифе Прекрасном в обработке печорского книжника И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. СПб. : Наука, 2009. Т. 60. С. 529–555. 4/2.
3. Волкова Т. Ф. Повесть об Акире Премудром в печорской рукописной традиции / Т. Ф. Волкова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. Екатеринбург: Издание Урал. гос. ун-та, 2011. № 2. С. 113–129.
4. Волкова Т. Ф. Исторические и эсхатологические представления печорских старообрядцев (на материале устных рассказов усть-цилемских крестьян) / Т. Ф. Волкова // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. № 3. С. 74–77.
5. Волкова Т. Ф. Средневековые сюжеты о предательстве, зависти и клевете в осмыслении печорского книжника XIX в. И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Сибирский филологический журнал. Новосибирск : НГУ, 2011. № 2. С. 11–17.
6. Волкова Т. Ф. Рукописные сборники печорского книжника И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2011. Т. 10. Вып. 8 : Филология. С. 201–215.
7. Волкова Т. Ф. К истории книжной культуры Усть-Цилемского старообрядческого центра (последние владельцы старинной книжности на Нижней Печоре) / Т. Ф. Волкова // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 2011. № 4.(33). С. 103–109.

Монографии и учебные пособия

8. Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей: учебное пособие по спецкурсу / Т. Ф. Волкова. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского университета, 2005. – 306 с.
9. «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И. С. Рассыхаева 1902-1953 годы / Т. Ф. Волкова / Публикацию подготовили Т. Ф. Волкова, В. В. Филиппова и В. А. Семенов. М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. – 155 с. (Т. Ф. Волковой написаны С. 23–106, 120–139).

Научные публикации в других изданиях

10. Волкова Т. Ф. Отчет об археографической экспедиции в Усть-Цилемской район коми АССР / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. Л. : «Наука». Ленинградское отделение, 1979. Т. 34. С. 375–376.
11. Волкова Т. Ф. Книжный культурный центр на низовой Печоре в XVIII–XIX вв. / Т. Ф. Волкова // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria, 32. Kultura literacka Dawnej Rusi. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1992. С. 135–147.
12. Волкова Т. Ф., Несанелис Д. А. Этноконфессиональное самосознание и круг чтения старообрядцев средней Печоры / Т. Ф. Волкова // Духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск : «Наука». Сибирское отделение, 1992. С. 191–196. 4/2
13. Волкова Т. Ф. Легенды и сказания о табаке в круге чтения устьцилемов / Т. Ф. Волкова // Духовная культура: история и тенденции развития: 1-5 июня 1992 г.: тезисы докладов. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1992. Ч. 2. С. 104 - 106.

14. Волкова Т. Ф. Современные хранители древнерусской книжности на Средней и Нижней Печоре (по материалам археографических экспедиций Сыктывкарского университета 1977-1990 гг.) / Т. Ф. Волкова // Боровский краевед. Боровск : Боровский музей, 1991. Вып. 3. Старообрядчество: история и культура: материалы и сообщения. С. 28 - 34.
15. Волкова Т. Ф. Археографическая работа Сыктывкарского университета на Нижней Печоре в 1977–1990-х гг. / Т. Ф. Волкова // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1991. С. 94–105.
16. Волкова Т. Ф. Пижемский книжник Сидор Нилович Антонов / Т. Ф. Волкова // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1989. С. 14–21.
17. Волкова Т. Ф. Предисловие / Т. Ф. Волкова // Памятники письменности в хранилищах Коми АССР : каталог-путеводитель : Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1 : Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1989. С. 10 - 31.
18. Волкова Т. Ф. Повести и легенды о табаке в контексте мифопоэтических представлений о смерти / Т. Ф. Волкова // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1994. С. 75–106.
19. Волкова Т. Ф. Записи на усть-цилемских рукописных и старопечатных книгах как источник по истории духовной культуры Нижней Печоры / Т. Ф. Волкова // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. : Всероссийская научная конференция: Тезисы докладов. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1994. Ч. 2 :Филология. С. 5–8.
20. Волкова Т. Ф. Задачи и перспективы исследования книжных культурных центров на территории Республики Коми / Т. Ф. Волкова // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН., 1996. Т. 2 : Филология. Этнология. С. 50–56.
21. Волкова Т. Ф. «Колумб» книжной Печоры / Т. Ф. Волкова // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М. : Полиграфическая фирма «Красный пролетарий», 1996. № 36. Земля Коми. С. 190 - 191.
22. Волкова Т. Ф. К проблеме наставничества на Нижней Печоре (Федосья Ефимовна Чупрова) / Т. Ф. Волкова // Мир старообрядчества. Вып. 3 : Книга. Традиция. Культура. М. ; Бородулино : Археографическая лаборатория Исторического ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 161–172.
23. Волкова Т. Ф. Усть-Цилемский список повести о табаке / Т. Ф. Волкова // Рукописна та книжкова спадщина України. Археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів. Вып. 3. Киев : Центральна наукова бібліотека ім. В. І. Вернадського НАН України, 1996. С. 192–213.
24. Волкова Т. Ф. Легенды и сказания о табаке в круге чтения устьцилемов / Т. Ф. Волкова // Материалы научных трудов филологического факультета. Февральские чтения 8–11 февраля 1995 г. Вторая годовичная сессия Ученого совета. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1996. С. 28–38.
25. Волкова Т. Ф., Сошникова Т. А. Сюжетно-композиционная организация «Жития Марии Египетской» / Т. Ф. Волкова // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуре Севера. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1997. С. 56–66.
26. Волкова Т. Ф. Записи первых Романовых и княжеско-боярской знати XVII в. на книгах, собранных на Усть-Цилемском Севере / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. СПб. : «Дмитрий Буланин», 1997. Т. 50. С. 501–508.

27. Волкова Т. Ф. К вопросу о месте древнерусской эсхатологии в круге чтения печорских старообрядцев / Т. Ф. Волкова // Традиционная народная культура населения Урала : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Пермь : Пермский областной краеведческий музей, 1997. С. 169–172.
28. Волкова Т. Ф. «Словарь книжников Печоры» (задачи и проблемы издания) / Т. Ф. Волкова // Мир старообрядчества: сборник научных трудов. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. Вып. 4 : Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21–24 ноября 1995 г., МГУ). С. 116–122.
29. Волкова Т. Ф., Понырко Н. В. Повести о табаке / Т. Ф. Волкова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3 : П-С. СПб. : «Дмитрий Буланин», 1998. С. 44–47.
30. Волкова Т. Ф. Усть-Цилемские предания о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне. (По материалам фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) / Т. Ф. Волкова // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции : тезисы докл. науч. конф. 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 1998. С. 20–23.
31. Волкова Т. Ф. Эсхатологические сочинения в круге чтения Печорских крестьян / Т. Ф. Волкова // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М. : Изд-во МГУ, 1999. С. 27–28.
32. Волкова Т. Ф. Печорские крестьяне - читатели старинной книжности (по материалам записей на рукописных и старопечатных книгах) / Т. Ф. Волкова // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 42–51.
33. Волкова Т. Ф. Использование информационно-поисковых баз данных в работе литературоведа / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 8. : История. Филология. Философия. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1999. Вып. 3. С. 111–122.
34. Волкова Т. Ф. Книги из церковных и монастырских собраний в составе печорской общинной крестьянской библиотеки / Т. Ф. Волкова // Уральский сборник : История. Культура. религия. Вып. 3 : Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 1999. С. 68–81.
35. Волкова Т. Ф., Чупрова Г. В. К изучению Повести о царевне Персике / Т. Ф. Волкова // Традиция и литературный процесс. Новосибирск : Издательство СО РАН, 1999. С. 16–25.
36. Волкова Т. Ф. Литературные и исторические сюжеты в устной интерпретации печорских крестьян / Т. Ф. Волкова // Старообрядчество. История. Культура. Современность : Материалы. М. : Изд-во «Принтер», 2000. С. 303–310.
37. Волкова Т. Ф., Бешкарев А. А. Легендарные источники повести А. М. Ремизова «Что есть табак» / Т. Ф. Волкова // Фольклор Урала. Устная и письменная традиции: сборник научных трудов. Екатеринбург : Изд-во Уральского госуниверситета, 2000. С. 130 - 141. 4/2
38. Волкова Т. Ф. Словарь книжников Нижней Печоры как новый вид исследования локальной рукописно-книжной традиции / Т. Ф. Волкова // Коренные этносы севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы : материалы Междунар. науч. конф. Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2000. С. 378–382.
39. Волкова Т. Ф. Ранее не изученный печорский список Повести о Дмитрие Басарге / Т. Ф. Волкова // Человек и общество в информационном измерении: материалы региональной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности

- научных отделов ЦНБ УрО РАН (28 февраля – 1 марта 2001 г.). Екатеринбург : Центральная научная библиотека УрО РАН, 2001. С. 96–104.
40. Волкова Т. Ф. Книги из монастырских библиотек в составе печорских книжных собраний / Т. Ф. Волкова // Книжные центры Древней Руси. Северно-русские монастыри. СПб., 2001 : «Дмитрий Буланин», С. 199–217.
  41. Волкова Т. Ф. Создатели и хранители рукописно-книжной традиции на Нижней Печоре (Некоторые итоги и проблемы создания банка данных «Печорская книжность») / Т. Ф. Волкова // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26–28 июня, г. Улан-Удэ. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 309–314.
  42. Волкова Т. Ф. Историческое повествование Древней Руси в круге чтения печорских старообрядцев / Т. Ф. Волкова // Историческое знание и интеллектуальная культура: материалы научной конференции. Москва, 4-6 декабря 2001 г. М. : РАН ИВИ.Об-во интеллектуальной истории, 2001. С. 217 - 221.
  43. Волкова Т. Ф. К вопросу о культурных контактах старообрядцев низовой Печоры и Чердынского края / Т. Ф. Волкова // Старообрядческий мир Волго-Камья: проблемы комплексного изучения : материалы науч. конф. Пермь : Пермский ун-т, 2001. С. 222–230.
  44. Волкова Т. Ф. Повесть о Тимофее Владимирском в переработке печорского крестьянина И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9 : Филология. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2001. С. 4–21.
  45. Волкова Т. Ф., Антоновская Н. И. Выговская литература в печорской рукописной традиции (обзор источников) / Т. Ф. Волкова // Взаимодействие книжных традиций Поморья, Урала и Сибири в XVI–XX вв.: сборник научных статей. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 26–47.
  46. Волкова Т. Ф. Историческая литература в составе Усть-цилемских рукописных сборников: к характеристике исторического сознания печорских крестьян-старообрядцев / Т. Ф. Волкова // Диалог со временем : Альманах интеллектуальной истории. М : «УРСС», 2002. № 9. С. 184–198.
  47. Волкова Т. Ф., Прокуратова Е. В. «Повесть о купце и о жене его лукавой» по усть-цилемскому списку / Т. Ф. Волкова // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования : материалы конференции (2–4 ноября 1998 г.). К 10-летию научной деятельности Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2002. С. 218–239.
  48. Волкова Т. Ф. Работа ПНИЛ фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета по созданию Банка данных региональной книжности / Т. Ф. Волкова // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования: материалы конференции (2-4 ноября 1998 г.). К 10-летию научной деятельности проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2002. С. 5 - 15.
  49. Волкова Т. Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина («Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой) / Т. Ф. Волкова // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее : материалы международной научно-практической конференции 8-11 декабря 2003 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена., 2003. С. 163–170.

50. Волкова Т. Ф. К вопросу о характере сюжета в «Повести о царице и львице» / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 9 : Филология. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2003. Вып. 5. С. 4–17.
51. Волкова Т. Ф., Антоновская Н. И. Выговская литература в кругу чтения печорских крестьян / Т. Ф. Волкова // Книга и литература в культурном контексте : сборник научных статей, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири. 1965-2000. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 453–457.
52. Волкова Т. Ф. «Соловецкая тема» в печорских рукописных сборниках / Т. Ф. Волкова // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2004. С. 405–435.
53. Волкова Т. Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний (две редакции И. С. Мяндина) / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. СПб.: : «Дмитрий Буланин», 2004. Т. 55. С. 394–414.
54. Волкова Т. Ф. Поучения против лени в кругу чтения старообрядцев Нижней Печоры / Т. Ф. Волкова // Старообрядчество: история, культура, современность. М. : Музей истории и культуры старообрядчества, 2004. Вып. 10. С. 55–79.
55. Волкова Т. Ф. Крестьянский писатель с берегов Печоры. / Т. Ф. Волкова // Арт: Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал. Сыктывкар, 2004. № 4. С. 102 - 109.
56. Волкова Т. Ф. Памятники ранней старообрядческой литературы в составе печорских рукописных сборников / Т. Ф. Волкова // Уральский археографический альманах. 2005 год. Екатеринбург : НПМП «Волот», 2005. С. 103–138.
57. Волкова Т. Ф. Печорские списки Повести о новгородском посаднике Щиле / Т. Ф. Волкова // О древней и новой русской литературе: сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. С. 184–205.
58. Волкова Т. Ф. Древнерусская и старообрядческая агиография в печорской рукописной традиции / Т. Ф. Волкова // Русская агиография : Исследования. Публикации. Полемика. СПб. . : «Дмитрий Буланин», 2005. С. 236–271.
59. Волкова Т. Ф., Антоновская Н. И. «Слово» Выговского ритора Андрея Денисова на Рождество Христово в составе Поморского Торжественника, бытовавшего на Печоре / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9 : Филология. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2005. Вып. 6. С. 4–29.
60. Волкова Т. Ф. Сказания о библейских героях в рукописном наследии печорского книжника-старообрядца И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Староверие на Северо-Востоке европейской части России. Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2006. С. 2–91.
61. Волкова Т. Ф., Карманова Н. А.. Работа печорского книжника И. С. Мяндина над текстом новелл «Великого Зерцала» (Новелла о царе, научившем приближенных бояться суда Божия) / Т. Ф. Волкова // От средневековья к новому времени: сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М.: : «Индрик», 2006. С. 324–346.
62. Волкова Т. Ф. Печорская рукописно-книжная традиция: итоги изучения (1976–2006 гг.) / Т. Ф. Волкова // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни) : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Республика Коми, с. Усть-Цильма, 10-13 июля 2006 г.) М.; Сыктывкар : Ин-т российской истории РАН, ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН, 2006. С. 412–423.

63. Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2006. Т. 57. С. 839–890.
64. Волкова Т. Ф. Размышления печорских крестьян о лени и ленивых (по материалам усть-цилемских рукописных сборников) / Т. Ф. Волкова // Арт: Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал.. Сыктывкар, 2007. Вып. 2. С. 134 - 145.
65. Волкова Т. Ф. Житие святителя Николая и его чудеса в круге чтения печорских крестьян / Т. Ф. Волкова // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. М. : «М-Сканрус», 2007. С. 48–52.
66. Волкова Т. Ф. Повесть о происхождении табака (Список усть-цилемского книжника И. С. Мяндина в контексте рукописной традиции повести) / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 6 : Филология. Искусство. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2008. Вып. 7. С. 5–33
67. Волкова Т. Ф., Мелихов М. В. Книгописная деятельность и литературное творчество печорских крестьян-старообрядцев XVIII-XX вв. / Т. Ф. Волкова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2008. № 3 (52). С. 147–161. 2/2
68. Волкова Т. Ф. Древнерусские повести в составе печорских рукописных сборников (библиографический указатель) / Т. Ф. Волкова // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. Т. 2. С. 373–413.
69. Волкова Т. Ф. Усть-цилемский книжник И. С. Мяндин: итоги изучения рукописного наследия / Т. Ф. Волкова // Первые Мяндинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции. С. Усть-Цильма. 12 июля 2008 г. Сыктывкар : ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2009. С. 52–66.
70. Волкова Т. Ф. Печорские списки Жития Георгия Победоносца / Т. Ф. Волкова // Духовное наследие народов Республики Коми: История и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев», (к 20-летию Отдела редкой и рукописной книги Научной библиотеки СыктГУ. Сыктывкар, 15-16 мая 2008 г.). Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2009. С. 36–49.
71. Волкова Т. Ф., Плехова С. Е. Печорские списки Повести о хождении святого Николая на Первый вселенский собор / Т. Ф. Волкова // Слово и текст: история, культура, этнос. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2009. С. 44–53.
72. Волкова Т. Ф. Владельческие записи печорских крестьян на рукописных и старопечатных книгах. (По материалам электронной базы данных) / Т. Ф. Волкова // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. Вып. 7. Ч. 2. С. 241–257.
73. Волкова Т. Ф. Печорские крестьяне-старообрядцы – читатели старинных книг / Т. Ф. Волкова // История русского читателя. СПб. : Изд-во СПбГУКИ, 2010. Вып. 5. С. 19–42.
74. Волкова Т. Ф., Носова О. С. Печорские списки «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» / Т. Ф. Волкова // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы IX Международной конференции, проходившей в Новгороде 30 сентября-2 октября 2009 г. / Центр истории и культуры старообрядчества имени Боярыни Морозовой.. М.; Боровск, 2010. С. 274–288.
75. Волкова Т. Ф. Старинная русская литература в списках и переделках печорских старообрядцев (экспедиции и исследования филологов Сыктывкарского

- университета) / Т. Ф. Волкова // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья. СПб. : «Скрипториум», 2011. С. 131–14
76. Волкова Т. Ф. Мяндины – переписчики, хранители и читатели старинной книги / Т. Ф. Волкова // Вторые Мяндинские чтения. Сыктывкар : Изд-во «Кола», 2010. Т. 1. С. 86–98.
77. Волкова Т. Ф. Продолжение трудов В. И. Малышева по изучению печорской книжности в исследованиях филологов Сыктывкарского университета / Т. Ф. Волкова // Вторые Мяндинские чтения. Сыктывкар : Изд-во «Кола», 2010. Т. 1. С. 44–57.
78. Волкова Т. Ф. Осмысление усть-цилемским крестьянином И. С. Мяндиным средневекового сюжета об Акире Премудром / Т. Ф. Волкова // Рябининские чтения – 2011. Петрозаводск: материалы VII научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 2011. С. 425-428.